
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Валерий Байдин. Быть русским. СПб.: Алетейя, 2025. — 478 с.: ил.

Размах научных интересов Валерия Байдина, искусствоведа, культуролога-слависта, доктора славянской филологии, огромен: от дохристианской культуры Руси до русского и советского авангарда XX века. Он погрузился в изучение древнерусских верований с конца 1980-х годов и сумел доказать, что подготовка к христианизации Руси шла — и очень долго — в рамках «языческой» религии древних славян, и влияние дохристианских верований на все сферы русской жизни, культуры огромны. Он ввел понятия «древнерусское предхристианство» и «иконосфера», выявил ряд ключевых слов древнерусского сакрального словаря, круг священных понятий, обрядов, знаков и символических форм, восходящих к общеевропейскому наследию. Вскрыл корни русского модерна, авангарда и поставангарда. В. Байдин — автор ряда книг и многочисленных статей, в которых изложены результаты его фундаментальных исследований. Книга «Быть русским» — не научная работа, а страстное, эмоциональное, динамичное повествование о многолетнем хождении по мукам устремленного к познанию человека, о том, каково быть — и остаться — русским во Франции. Его отчислили из аспирантуры МГУ и Института искусствознания в 1978 году за «инакомыслие» и «активное православие». Работал по договорам, занимался творческой работой. Новая русская смута сломала привычный уклад, планы, быт. В июне 1991 года В. Байдин уехал из голодной перестроечной Москвы в Париж по приглашению французской семейной пары, с которой познакомился на волжском пароходе. Ехал с мечтой создать Международную ассоциацию помощи православным христианам России и Восточной Европы: реставрировать русские храмы и иконы, создать церковные музеи, возобновить паломничества по святым местам России. Его идея встретила поддержку значимых лиц, среди которых князь Д. Шаховской, Н. Струве, Ч. Айтматов, Э. Каррер д'Анкосс, М. Ростропович, Г. Вишневская... Не получив финансовой поддержки, идея ушла в песок... И снова Москва перестроечная с ее двуликим капитализмом, безнадежность, попытки выжить внутри катастрофы. В письмах из запределья В. Байдин резко, горько, ярко запечатлел страшные, уже подзабытые картины 90-х годов. В январе 1992 года его познакомили с директором Международного центра христианского образова-

ния при Женевском университете, который собирал группу православной молодежи для университетского спецкурса по изучению западного христианства. Байдин получил трехмесячную визу. После Швейцарии были попытки записаться в докторантуру Нантера, жизнь между Францией и Россией, проблемы с визами и в 1997 году — долгожданное приглашение на русскую кафедру в Нанси-2, долгая работа над диссертацией, преподавание. Жизнь автора что в России, что во Франции — школа выживания на грани нищеты: безденежье, безработица, недоедание, поиски ночлега. Но были и светлые проблески: русские храмы Парижа и окрестностей, следы русской культуры и истории в Париже, провинциальные городки, швейцарские деревушки, архитектурные памятники — все это любовно очерчено с точки зрения искусствоведа и историка. А еще — встречи, и каждая — событие. В книге звучат живые голоса, проступают выразительные фигуры, лица богословов, историков, священников, издателей, писателей — и старых русских эмигрантов... Французы, русские, швейцарцы... Представительница осевшего во Франции после революции рода Семеновых-Тян-Шанских стала женой В. Байдина. Русский во Франции на практике постигал особенности западноевропейского менталитета, часто несовместимого с русским. Дружба по-русски, без расчета, оказалась невозможной. «За гостеприимство и дружбу» пригласившей его чете он «платил» расшифровкой неизданного, почти не читаемого из-за почерка текста Кандинского. Сложные интриги плел его научный руководитель, намеренно затягивая защиту диссертации своего подопечного («Архаика в русском авангарде»), рассчитывая использовать ее материал для своих статей. Для жестоко уязвленного и завистливого француза-русиста русское национальное прошлое было лишь «мусором истории», иностранец посмел покуситься на святое: он утверждал, что корни русского авангарда искусства в русской архаике, а не в слепом подражании Матиссу или Пикассо. Для укрощения «самоуверенного» и «строптивного» исследователя организовали жалобы студентов, дали понять, что иностранец из нищей страны не имеет права делать замечания французам, иметь свое мнение, иначе лишится работы. Диссертацию удалось защитить — с помощью дружески настроенных ученых — только в 2002 году, ей присудили отметку «отлично», но без права публиковать. Некоторое время В. Байдин читал лекции в Сорбонне, избегая конфликтов с коллегами и излишнего откровения. Но усилиями руководителя диссертации, имевшего многочисленные связи в мире русистов и «парижских интеллектуалов», православный русский с «неправильными мыслями» получил волчий билет: его лишили права преподавать во французских университетах, фактически «вытолкали» из науки. Выступить в защиту никто не решился. Это времена, когда русофобия еще не выпустила клыки в открытую. И все-таки В. Байдин как востребованный ученый состоялся: в России выходят его книги, статьи, он участвует в конференциях, работает и во Франции. В его жизни были развилки: он мог принять монашество во Франции; стать клириком РПЦ за границей и переехать в Монреаль; стать — при хорошей должности в Москве — проводником экуменических идей женевакого благодетеля. Но он выбрал науку и верность своей стране. Завершается книга размышлениями о двух цивилизациях, о различиях Запада и России, об истоках русофобии. Он мыслит масштабно. Метаморфозы, происшедшие в национальном характере и сознании Франции, автор рассматривает со времен ее крещения в 496 году до дня нынешнего. И также подробно разбирает, какие особенности русского менталитета на протяжении веков способствовали восстановлению, сохранению, возрождению России. Сопоставляя две цивилизации, он пишет: «Помимо религиозных различий Русь и Запад разделяли несходства языковых групп, культуры и климата, разные алфавиты и звучание языков, реки вместо дорог, материки-

вая и океанические цивилизации, огромные земные пространства вместо скученности и малоземелья, суровые и теплые зимы, деревянное и каменное зодчество, приверженность к народной архаике и борьба с нею, аналогия наряду с логикой, чутье вместо расчета, скрывание силы вместо угроз, сокрушительная защита вместо нападения». В зоне внимания автора в силу своей актуальности оказываются и особенности украинского менталитета, злые новодельные мифы, деструктивные психокульты, которые привели украинцев к вере в великих укров и к братоубийственной войне. Последние главы — это жгучая публицистика, в которой автор дает свое видение жестких современных коллизий и намечает перспективы выхода из них.

Архимандрит Августин (Никитин). Благодать Святого огня на Гробе Господнем. По запискам русских паломников XII–XXI веков. СПб.: 2024. — 416 с.: ил.

Каждый год в Великую субботу накануне православной Пасхи в Иерусалиме происходит великое чудо: на Гроб Господень сходит Благодатный огонь. Согласно преданию, Иерусалимский храм Воскресения Христова, более известный как храм Гроба Господня, расположен на месте распятия, погребения и воскресения Иисуса Христа. Под большим куполом храма в центре ротонды Воскресения над самим Гробом Господним находится часовня, Кувуклия, что означает по-гречески — ложе. Именно там зарождается Благодатный огонь. Во время схождения происходит самовозгорание свечей как у Патриарха в Кувуклии, так и у простых паломников в храме; схождение сопровождается молниеподобными всполохами, а пламя Благодатного огня в течение нескольких минут не обжигает, хотя у каждого в руке горит пучок из 33 свечей: по числу лет Спасителя. Изнесение Благодатного огня из Кувуклии символизирует выход из Гроба «Света истинного», то есть воскресшего Иисуса Христа. Далее следует пасхальная часть вечерней службы субботы. Первые упоминания о сошествии Благодатного огня в храм Иерусалима появились в IV веке. По преданию, известный в то время святитель Григорий горячо молился во время праздника Пасхи на месте Гроба Господня и вдруг увидел яркий нетварный свет. За почти двухтысячелетнюю историю это явление сопровождалось или предвлялось большим количеством чудесных событий, что оказывали сильное влияние на христианскую общину, а порой и на действия церковных иерархов. Что-то случалось единожды, что-то иногда повторяется, иное происходит часто. По количеству очевидцев (до двадцати тысяч человек ежегодно) и исторической длительности этот феномен не имеет в мире аналогов. Естественно, многие свидетели чуда фиксировали свои впечатления в письменном виде, иногда их рассказы записывали собеседники. Архимандрит Августин (Никитин) включил в эту книгу свидетельства о снисхождении Благодатного огня наших соотечественников, разных по общественному положению и из разных эпох: архиереев, священников, монахов, писателей, журналистов, ученых и простых паломников. Всего представлено более 130 свидетельств от IX до XXI века. Материал расположен в хронологическом порядке. Почти каждую из паломнических записок предваряют краткие сведения об их авторе. В сносках даются пояснения, касающиеся церковных терминов, а также исторических персонажей и событий, соответствующих данной эпохе. «Отечественным запискам» предшествуют фрагменты рассказов иностранных авторов. Одни из них интересны тем, что относятся к временам до Крещения Руси (IX–X века), в других присутствует не только лаконичная констатация факта, но и повествование о драмах, случившихся во время Пасхи по вине властителей. Первое отечественное описание службы Благодатного огня, дошедшее до нашего времени, оставил «игумен земли

Русской» Даниил, посетивший Иерусалим в 1106–1107 годах. Он особо отметил роль в службе Балдуина, короля крестоносцев, которым тогда принадлежал Иерусалим. Из-за татаро-монгольского нашествия и его последствий приток пешеходцев из Руси в Иерусалим иссяк. Очередные паломнические записки о Благодатном огне появились в 1345 году (архимандрит Арсений). Далее перерыв почти на столетие: в 1420 году появляется «Хождение» инока Зосимы. И снова «провал» до конца XVI столетия: причина тому — начало русско-турецких войн (1568–1570). В предисловии к запискам архимандрит Августин подробно рассказывает о зависимости количества прибывающих в Иерусалим русских паломников от войн, которые вела Россия, и от социальных потрясений внутри страны. После 1917 года лицезреть в Иерусалиме схождение Благодатного огня могли только представители русского зарубежья. Лишь после распада Советского Союза россияне стали выезжать за пределы отечества в частном порядке. И число публикаций русских паломников, присутствующих при схождении Благодатного огня, резко увеличилось. Архимандрит Августин пишет, что, несмотря на повторы в текстах, они дополняют друг друга, в каждом есть интересные подробности, детали, нюансы, не замеченные другими авторами. Собранные вместе, они дают полное представление о чуде Господнем. Да и просто несут на себе печать своего времени. Иеромонах Мелетий из знаменитой Саровской пустыни, совершивший паломничество в Святую Землю в 1793–1794 годах, в своем «Хождении...» передавал рассказ со слов архиепископа Мисаила, епитропа Патриарха Иерусалимского, на протяжении четырех десятилетий получавшего Святой Огонь. «Вшедшу мне, сказывал он, внутрь ко Святому Гробу, видим бе на всякой крыше Гробной блистающ свет, подобно рассыпанному мелкому бисеру, в виде белого, голубого, белого, алого или других цветов, который потом, совокупляясь, краснел и претворялся в течение времени в вещество Огня; но Огонь сей, в течение времени, как только можно прочесть, не спеша четыредесять раз (40 раз) „Господи, помилуй!“ не жжет и от сего-то Огня уготованные кадила и свечи возжигаются. Но, впрочем, присовокупил он, как и откуда явление сие бывает, сказать не могу». Не могут и современные ученые. В приложениях в статье российского философа и историка церкви Н. Лисового можно прочесть об истории храмового комплекса и его внутреннем устройстве, о сложившейся на протяжении веков церемонии схождения Благодатного огня, о традициях и обрядах, их участниках, о том, кому принадлежат права владения и пользования святынями храма. И о том, что бывает, если обряды нарушаются. Так, когда в годы британского мандата английский губернатор попытался запретить «дикарские пляски» идущих в храм православных арабов, Огонь не сошел. Чудо произошло после отмены запрета Патриархом. Главной тайной остается сам Святой Огонь. Из приложений можно узнать, что говорили на протяжении веков ученые, историки, богословы о природе повторяющегося две тысячи лет феномена, свидетелями которого стали несколько миллионов человек. Пока что современная наука не в состоянии однозначно ответить на вопрос о причинах самовозгорания свечей в Кувуклии. Версии приводят. Развенчиваются попытки скептиков объяснить чудо схождения Огня проделками клириков, использованием зажигалок, вспышек от телекамер. Три века назад, тысяча лет назад кино- и телекамер и фотоаппаратов не было, а вспышки были.

Борис Тебиев. Очерки о Л. Н. Толстом. Из книжной коллекции тульского краеведа. Тула: Свамия, 2023. — 176 с.: ил.

Борис Тебиев начал собирать «толстовскую» коллекцию в 1960-е годы. У тульских букинистов он находил публицистические и литературные произведения Льва Тол-

стого, опубликованные при жизни писателя, забытые и малоизвестные издания конца XIX — начала XX века, Толстого «нелегального». Сложности в отношениях с цензурой, светской и духовной, у Льва Толстого возникли еще на самом раннем этапе его литературного творчества в 1852 году. А в 1890 году царское правительство фактически объявило писателю информационную блокаду, предложив газетам и журналам «прекратить всякую полемику по поводу „Крейцеровой сонаты“ гр. Л. Н. Толстого». Запрещалось не только перепечатывать отдельные тексты Л Толстого, но любые сведения о сочинениях Толстого и его частной жизни. В 1898 году газетам и журналам был отдан приказ «не помещать статей и известий о предстоящем юбилее гр. Л. Н. Толстого». Несмотря на все строгости правительственных запретов, они нарушались, а чем активнее цензура запрещала произведения писателя, тем сильнее рос интерес к ним читателей. Одним из таких нарушителей стал П. Сергиенко, выпустивший к 70-летию писателя подробную и хорошо иллюстрированную книгу «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой». Он же впоследствии издал два тома толстовских писем. По свидетельству специалистов, выявлено более 300 книг и брошюр Толстого, вышедших в XIX веке вопреки санкциям. В XX веке преследования «неправильных» произведений Толстого продолжались вплоть до февраля 1917 года. В завершающие десятилетия своей жизни писатель страстно обличал общественные порядки, милитаризм и войны, упорно искал религиозные истины, остро реагировал на вызовы своей сложной и противоречивой эпохи. Его запрещенные в России работы, такие, как «Царство божие внутри нас», «Исповедь», «Патриотизм или мир», «Патриотизм и правительство», «Против войны», «Голод или не голод?», «Николай Палкин», печатались в зарубежных изданиях, в России выпускались подпольно. Особую популярность его публицистические и философские сочинения получили в дни революции 1905—1907 годов и в первые послереволюционные годы. Борис Тебиев собрал уникальную библиотеку. Так, у него на полке есть конволютовская «коммуналка» (конволют — несколько книг, собранных в одном переплете), в которую вошли четыре книги: одна посвященная Бородинской битве, три других — «Войне и миру» Л. Толстого. Подробно изложив содержание текстов, Б. Тебиев констатирует, что даже по такой небольшой подборке разных авторов видно, как противоречивы и часто взаимоисключающи были суждения литературных критиков о «Войне и мире». Среди редкостных толстовских изданий своей коллекции он называет полный текст статьи «Не могу молчать (О смертных казнях)», выпущенный в виде отдельного оттиска-прокламации в августе 1908 года в тульской подпольной типографии по рукописи, полученной из Ясной Поляны. Это произведение написано Толстым в мае-июне 1908 года под впечатлением массовых казней, последовавших за поражением революции 1905—1907 годов. Б. Тебиев считает, что судьба каждой из книг его коллекции достойна отдельной приключенческой повести. И рассказывает... О том, как создавались вызывавшие большой общественный резонанс произведения Толстого, о чем они, где печатались, какими путями шли к читателю, как и почему запрещала их цензура. Б. Тебиев пройдет по следам берлинских изданий Толстого и поведаст о том, какие страсти разгорались вокруг «Крейцеровой сонаты»; расскажет, как А. Кони подсказал Толстому сюжет «Воскресения» и как осевший на Британских островах В. Чертков подарил читателям «последний роман XIX века» — «Воскресение» — в не искаженном цензурой виде. Поведаст о том, почему «Народные рассказы» Толстого вызвали негодование светских властей и официальной церкви и как сборник их был издан в Праге Э. Валечкой (ВАЛЕЧКА). Расскажет, какие произведения Толстого издавал обосновавшийся в Женеве сын сельского священника Симбирской губернии

М. Элпидин и как отважный экспедитор Н. Фельтен переправлял через Финский залив нелегальные книги Толстого из финского издательства «Обновление». Героями очерков являются не только книги, но и конкретные люди: издатели, влюбленные в книги букинисты и те, кто близко соприкасался с Л. Толстым. Среди последних и первый иллюстратор «Войны и мира» М. Башилов (1821–1870), цикл его иллюстраций остался незавершенным из-за смерти художника. Легендами обросла история знакомства Толстого с художником-передвижником Н. Орловым, которого писатель пригласил летом 1904 года в Ясную Поляну и впоследствии написал предисловие к альбому репродукций художника «Русские мужики». Из первых уст, от племянника постоянного переписчика рукописей Толстого, узнавал Б. Тебиев о судьбе его дяди А. Иванова. Дворянин, поручик артиллерии, участник Русско-турецкой войны 1876–1878 годов, А. Иванов стал бездомным бродягой и нашел приют в доме Толстого, где переписывал рукописи писателя, но каждое лето уходил из Ясной Поляны бродяжничать и возвращался поздней осенью. Помимо почитателей у Толстого было немало опровергателей и пасквильянтов: иерархи официальной церкви, ее явные или тайные адепты, просто литературные поденщики и авантюристы. Некоторых Б. Тебиев называет. Подробно пишет о конфликте между Л. Толстым и прокурором Святейшего правительствующего синода Победоносцевым, автором многих порочащих Толстого слухов и сплетен, ходивших по Москве и Петербургу и проникавших время от времени в прессу. Подробно — о Л. Богемском и его скандальном пасквиле «Понедельник», главные герои которого «полногрудая девушка с красным бантиком на голове, сделанном из тетенькиной подвязки», и ее соблазнитель князь Простудов и где с первой строки до последней строки — что ни сцена, то пошлость. Герои очерков Б. Тебиева — это и люди малоизвестные, как основатели тульских библиотек (а первая публичная библиотека в России была открыта именно в Туле — 1 мая 1778 года, в Петербурге лишь в 1814 году, в Москве в 1862), так и прочно вошедшие в историю литературы, как любимая внучка Толстого С. А. Толстая-Есенина.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги